

ЛЕДЯНОЕ ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ

Между мстью
и обжигающей страстью

18+

KeT LaP

КЕТ ЛАР

Ледяное пламя возмездия

«Автор»

2026

LAP K.

Ледяное пламя возмездия / К. LAP — «Автор», 2026

Её предал родной дядя: опоил дурманом, выманил в стойбище и оставил связанной у чёрного идола — в жертву тому, кого народы Севера боятся называть. С первым дыханием вьюги пришёл Он. Двухметровый гигант с белыми, как лёд, глазами и волосами-инеем. Он взял её грубо, прямо на камне, вдавливая в снег, — и Нина приготовилась умереть. Но когда его ледяное семя пролилось внутрь, оно начало жечь. Он узнал её. Не просто смертную невесту из пророчества — а ту душу, что любила и предала его столетия назад. Теперь Кынкан не отпустит. Он уносит пленницу в дворец из вьюги, чтобы свершить возмездие и получить спасение. Каждая ночь меняет её тело: на коже проступают ритуальные руны, а в жилах пробуждается гибельная сила. Нине предстоит не просто выжить в ледяном плену, где страсть обжигает сильнее ненависти. Ей нужно раскрыть заговор шамана, державший баланс до пришествия Ледяного Змея, и принять выбор между прежней жизнью в Москве и вечной Хозяйкой Холода. (Продолжение следует).

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

КЕТ LAP

Ледяное пламя возмездия

Глава

«Зов крови»

Стеклянная дверь ординаторской отсекала улицу — вой январского ветра, приглушённые гудки машин на Покровке, визгливый смех у входа в круглосуточный супермаркет. Нина стянула резиновые перчатки, скомкала, швырнула в ведро с биологической опасностью. Привычным движением пальцы легли на запястье — пульс шестьдесят два, ровный, как метроном. Чужая смерть давно перестала выбивать её из этого ритма. За пять лет ветеринарной хирургии она научилась отсекал всё лишнее: сантименты хозяев, влажную жалость, тупую надежду, продлевающую агонию. Скальпель не должен дрожать.

— Нина Дмитриевна, там хаски на столе, — практикантка Лера сунулась в дверь, прижимая к груди планшет. — Хозяева рыдают в коридоре. Онкология, метастазы в лёгкие. Вы сказали — только эвтаназия.

— Готовь пропофол и дитилин. — Нина одёрнула халат, заправила за ухо прядь волос, выбившуюся из-под шапочки. — Хозяев в процедурную не пускать.

— Может, вы к ним выйдете? Скажете что-нибудь... человеческое?

— Я ветеринар, а не психолог.

В процедурной пахло спиртом и мокрой шерстью. На стальном столе, поджав лапы, лежал пёс с мутными, почти человеческими глазами — цвета выцветшего янтаря. Шерсть на боках свалилась в колтуны, нос потрескался, дыхание вырывалось короткими неглубокими всхлипами. Нина проверила катетер в вене, скользнула ладонью по голове собаки — единожды, оценивая тургор кожи, — и вдруг замерла. Пёс чуть повернул морду и лизнул ей руку. Шершавый язык мазнул по костяшкам, оставляя влажный след. Нина отшатнулась быстрее, чем следовало, и кивнула Лере:

— Вводи.

Рывок шприца. Тело вытянулось, вздрогнуло и обмякло. Четыре минуты. Нина стянула перчатки и принялась мыть руки с антисептиком, механически, слишком тщательно. В стальном шкафчике напротив качнулось отражение: острые скулы, болотные глаза без блеска, губы сжаты в нитку. «Да что ты как неродная», — бросила утром уборщица, когда Нина отказалась от чая с пирожками по случаю Нового года. Неродная. Слово прилипло, как репей.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение в мессенджере от контакта «Брат». Последний раз она открывала его три года назад — дежурное поздравление с днём рождения, оставленное без ответа. Теперь — голосовое, три минуты. Нина нажала воспроизведение, поднесла трубку к уху и тут же пожалела: гортанный ненецкий говор хлынул в ухо, пересыпанный русскими словами, как костяные бусы — дешёвым стеклярусом.

«Нина... бабушка твоя, Танэ, плоха совсем. Спрашивает про тебя, зовёт. Олени мрут, падёж пошёл по стойбищу, хворь какая-то, ты же ветеринар. Дед сказал — ты последняя кровь, кто понимает всё это изнутри...»

Дальше — треск, кашель, женский плач фоном. Нина выключила экран и убрала телефон в карман. Внутри что-то ухнуло, рухнуло вниз, как лифт с оборванным тросом. Танэ. Последний человек, который помнил её ребёнком — до того, как она босая, в разорванной малице, с обмороженными пальцами и рваной раной на бедре бежала через тундру прочь от капища. До того, как геологи подобрали её, полуживую, и передали соцслужбам. До интерната, стипендии, ветеринарной академии, до кредита на квартиру-студию и полного, выжженного забвения всего, что лежало севернее шестьдесят пятой параллели.

Она позвонила брату сама — впервые за двенадцать лет.

— Нина? — голос в трубке был хриплый, но с той же интонацией, с какой в детстве он просил её спрятать сломанный аркан. — Ты слышала?

— Слышала. Что с бабушкой?

— Угасает. Неделя, может, десять дней. Она про тебя каждый день говорит. Каждый. — Пауза, треск помех. — И оленидохнут. Ветеринар из посёлка приезжал, сказал — эпидемия, нужен карантин. Дед не верит. Говорит, беда из земли идёт, от старого капища. Помнишь капище, Нина?

Она помнила. Чёрные столбы из плавника, обмотанные выцветшими лентами, челюсти жертвенных оленей, развешанные по сучьям. Запах — не просто кровь и багульник, а сладковатый, тошнотворный, как гниющая плоть под снегом. Ей было семь, когда её впервые привели туда на обряд, и двенадцать — когда в свете костров дядя поднял нож, и что-то ледяное, безглазое выглянуло из-за идолов.

— Я приеду, — услышала она собственный голос. — На сутки. Осмотреть оленей, повидать бабушку, и обратно. Без церемоний.

— Приезжай. — Брат выдохнул. — Я встречу у вертолётной площадки.

Дома она собиралась, словно на операцию. Термобельё, две пары носков, утеплённые джинсы, свитер, пуховик до колен, тактические ботинки на меху. В рюкзак легли антибиотики широкого спектра, противостолбнячная сыворотка, стероиды, шприцы, жгуты, набор для экспресс-анализа крови животных. Ни одной фотографии, ни одной семейной реликвии. Она намеренно не лезла в коробку из-под обуви на дне ящика, где среди прочего хлама лежал бабушкин амулет — круглая бляха из оленьего рога с вырезанной на ней спиралью, переходящей в волчий оскал.

Амулет нашёлся сам, вывалившись из старого рюкзака при встряхивании. Нина сжала его в кулаке — гладкий, тёплый от ладони, с истёртыми до блеска краями — и с размаху швырнула в мусорное ведро. Бляха стукнула о пластик, отскочила и закатилась под кухонный диван. Пришлось опускаться на колени, шарить рукой в пыли. Кончики пальцев наткнулись на резные линии: спираль, оскал. Она помнила, как бабушка надевала этот амулет ей на шею, когда

начиналась лихорадка. Сухие горячие ладони на лбу, шёпот: «Не бойся, Тэта, он тебя не тронет, ты его кровь».

Тэта. Огонь.

Нина стиснула бляху до боли в костяшках и сунула в карман пуховика. Застегнула молнию до горла и вышла из квартиры.

Вертолёт трясло так, что зубы выбивали дробь. Нина сидела у иллюминатора, привалившись плечом к вибрирующей обшивке, и смотрела, как внизу проплывают бесконечные языки тундры, перечерченные чёрными трещинами незамерзающих рек. Редкие огни посёлков вскоре исчезли, остался только снег, мох, карликовые берёзы, похожие на скрюченных старух. Винтокрылая машина дважды садилась на дозаправку — в Нарьян-Маре, потом на фактории, пропахшей соляжкой и копчёной рыбой. Нина не выходила, пила чай из термоса и гнала от себя воспоминания. Они лезли, вползали под череп, как холод сквозь щель: лицо бабушки, морщинистое, коричневое от кострового дыма; дядя, танцующий с бубном; и это... присутствие, тяжесть которого она чувствовала даже спустя столько лет — как давит воздух перед грозой.

Внизу показалось стойбище. Шесть чумов на берегу замёрзшей реки, дымы над закопчёнными отверстиями, загоны для оленей, нарты, спутниковая антенна на кривой мачте. Вездеходы на гусеницах жались к сугробам. Нина вдохнула, когда винт затих, и тут же закашлялась. Воздух, ворвавшийся в лёгкие, нёс всё, что она пыталась забыть: дым от оленьего помёта, запах выделанных шкур, сырой рыбы, мёрзлого мха — и под этим букетом сладковатая, тошнотворная нота. Багульник и старая кровь.

— Нина.

Брат вышел из-за ближайшего чума. Высокий, плечистый, в глухой малице мехом внутрь, с капюшоном, отороченным песцом. На скулах — те же острые углы, что и у неё, те же болотные глаза, но вокруг них залегла сетка морщин, а в углах губ пролегла горькая складка. Он выглядел на десять лет старше своих тридцати.

— Миша. — Нина шагнула навстречу, но он не обнял её, только кивнул, принял рюкзак из рук и повёл в стойбище.

— Бабушка в третьем чуме. Ждёт с утра, как узнала, что летишь. Ты... готова?

— Я приехала осмотреть оленей и повидать бабушку, — Нина поправила лямку. — Остальное меня не касается.

Брат молча кивнул в сторону нарт, присыпанных снегом. Там лежали туши — штук пятнадцать, с раздутыми животами, вываленными языками, остекленевшими глазами. Нина автоматически отметила: вздутие, цианоз слизистых, следов насилия нет. Отравление или острая инфекция. Она уже потянулась за перчатками, но Александр остановил её:

— Потом. Сначала — к дяде.

— К дяде? — Нина застыла. — Я не хочу его видеть.

— Он шаман. И велел привести тебя сразу. — В голосе брата проступило напряжение. — Не упрямься. В стойбище беда, ты не понимаешь. Олени — полбеды, но люди... Трое слегли. Бредят про чёрный лёд и белые глаза. Дядя говорит, капище требует платы.

— Чушь. — Нина развернулась к вертолёту, но винт уже взревел, взметая снежную пыль. Через минуту машина растаяла в небе, оставив её посреди стойбища — чужую, в красном пуховике, с рюкзаком, набитым медикаментами, бесполезными против древнего ужаса.

Чум дяди стоял на отшибе, крытый не просто шкурами, а почти чёрными полотнищами, расшитыми алыми нитками и бисером. Над входом, прибитая к шесту, висела оленья челюсть с вызолоченными зубами. По бокам от входа — два деревянных идола с выпученными глазами и оскаленными ртами, в которые вставлены настоящие звериные клыки. Нина помнила их с детства. Ненавидела каждой клеткой.

Брат отдёрнул полог. Изнутри пахло жаром, багульником, горелым жиром и металлическим запахом свежей крови.

— Заходи, племянница.

Дядя говорил низко, с присвистом, по-русски чисто, но с гортанной картавинкой. Он сидел у очага, скрестив ноги, и не смотрел на вошедших. В руках — бубен, обтянутый белой кожей с угольно-чёрными знаками. Такими же, как на амулете в кармане Нины.

— Я пришла, потому что брат попросил, — Нина замерла у порога. — Что вам нужно?

— Мне? — дядя поднял голову. Красные прожилки на белках, глубокие тени под глазами. — Мне нужно, чтобы ты исполнила долг крови. Но ты не готова. Пока не готова. Сядь к огню, Тэта. Или ты забыла это имя?

— Меня зовут Нина. Дмитриевна.

— Тебя зовут так, как нарекла бабка при рождении. — Он отложил бубен и хлопнул в ладоши. Из-за перегородки выступили две старухи в глухих одеждах, с лицами, скрытыми до глаз платками. Они несли глиняную чашу, от которой валил пар, и длинный кожаный ремень, унизанный медными кольцами.

— Очищение, — дядя поднялся — высокий, жилистый, под два метра. — Ты двенадцать лет жила среди чужих, ела чужую пищу, говорила на чужом языке. Прежде чем подойти к оленям, ты должна смыть с себя всё это. Таков обычай. Ты сама знаешь.

— Я буду осматривать скот в перчатках и маске, мне не нужно ваше... — Нина рванулась, но брат держал её за плечи, и хватка у него была железная. Старухи подступили вплотную. Пар от чаши ударил в лицо — горький, пряный, с дурманящей сладостью. Багульник, можжевельник, а под ними — мухомор. Отвар, который шаманы пьют для входа в транс.

— Не надо! — она забилась, но мышцы вдруг налились ватой. Бубен загудел в руках дяди — глухо, монотонно, выбивая из головы связанные мысли. Старуха влила в рот горячую жидкость. Крик захлебнулся в горькой волне, прокатившейся по горлу в желудок.

Сознание распадалось на фрагменты. Костры. Столб, вкопанный за дядиным чумом — высокий, обмотанный ремнями, с тёмными потёками на древесине. Её руки прикручены к столбу над головой. Пуховик и свитер исчезли, она осталась в одном термобелье, но холода почти не чувствовала: яд мухомора разливался под кожей жаром, спутывая нервные сигналы. Вокруг столба плясали фигуры в масках из оленьей кожи, с рогами на головах — притопывали в такт бубну, выводили низкое гортанное пение без слов.

Дядя стоял перед ней без маски, с ножом в руке. Узкое лезвие, костяная рукоять. Смотрел почти с жалостью.

— Ты боишься, Тэта. Зря. Это просто обряд. Снимем грязь городов, и ты снова станешь чистой.

— Отпустите... — язык заплетался, слова были чужими, толстыми. — Я не...

— Уже надо. — Он взял её левую руку, развернул запястьем вверх и полоснул ножом. Неглубоко, но боль пронзила до плеча, горячая и ясная, на мгновение прорвав дурман. Нина захлебнулась криком. Старуха снова поднесла чашу к губам, и новая порция отвара обожгла нёбо. Мир поплыл.

Дядя собирал кровь в глиняную плошку и натирал ею что-то перед ней. Сначала ей показалось — ещё один столб, но потом из пляшущих теней проступил идол. Чёрное дерево, морда не то волка, не то человека, с оскаленной пастью и глазами, в которые были вставлены пластинки льда. Они горели в свете костров белым, мёртвым огнём, не таяли, источали холод, от которого у Нины зуб на зуб не попадал.

— Ты не лечить приехала. — Голос дяди звучал из глухой дали. — Ты — плата. Ты с рождения была платой. Бабка вымолила тебя у духов, чтобы ты жила, и теперь духи требуют своё. Не бойся, Тэта. Ты идёшь к жениху.

Люди в масках опустили на колени. Бубен взревел с новой силой. И ветер вдруг стих — неестественно, резко, будто кто-то выключил звук.

Костры погасли. Все разом. Тьма упала на капище — не ночная, звёздная тьма, а абсолютная, глухая, в которой не осталось ни звука, ни запаха. Даже холод исчез. Только пустота.

А потом из пустоты прорезался звук.

Далекий, мерный. Хруст. Так ломается ледяной наст под тяжёлым шагом. Хрусть. Хрусть. Хрусть. С каждым шагом земля под босыми ногами Нины вздрагивала, и эта дрожь поднималась по позвоночнику к затылку. Кто-то шёл к ней из темноты — огромный, многотонный, сотканный из самого мрака.

Она зажмурилась, но веки словно примёрзли — не опускались, не подчинялись. Во тьме прорезались два белых пятна — вытянутые, лишённые зрачков, светящиеся внутренним, потусторонним светом. Они висели на уровне её лица, но смотрели не на неё — сквозь неё, в самую сердцевину, туда, где колотилось захлёбывающееся паникой сердце.

Нина набрала воздуха, чтобы закричать, но холод, исходящий от этих глаз, сковал горло, выстудил голос до беззвучного хрипа. Пальцы на ногах онемели, потом колени, потом живот. Тьма сгустилась, обретая контуры — плечи, покрытые чем-то потрескивающим, мерцающим, как ледяная броня, грива инея, ниспадающая до земли, и над всем этим — два белых глаза, неумолимо приближающихся.

Заполняющих весь мир.

В последней вспышке сознания Нина ощутила, как в кармане брошенного пуховика, оставшегося где-то в снегу, роговой амулет вдруг наливается теплом — нестерпимым, прожигающим. Пуговица? Застёжка? Кто-то? Зов? Мысль оборвалась.

Существо склонилось к ней. Белые глаза погасили всё. И в наступившем безмолвии раздался низкий, вибрирующий звук — то ли дыхание, то ли слово на мёртвом языке, который её кровь узнала мгновенно.

2 глава .«Тот, кто приходит с ветром»

Белые глаза выжигали реальность.

Миша исчез. Старухи, дядя — все, кто минуту назад окружал капище, растворились в тенях. Площадка опустела, но наполненность пространства стала абсолютной: присутствие заполняло воздух, землю, черепную коробку Нины.

Он остановился в шаге.

Теперь она видела его без мухоморной пелены — ясно, чётко, каждой клеткой гаснущего сознания. Высокий мужской торс поднимался из сгустка клубящейся тьмы: широкие плечи, рельефная грудь, покрытая не кожей, а ледяной бронёй. Серебристые прожилки мерцали под этой бронёй, пульсировали в ритме замедленного, нечеловеческого сердцебиения. Ниже пояса тело теряло человеческие очертания, сливаясь с воронкой мрака, но в этой воронке угадывались мощные бёдра, и то, что находилось между них, заставило Нину сглотнуть вязкую слюну.

Лицо.

Оно было высечено из голубоватого льда — застывшая маска античного божества, прекрасная и ужасная в равной мере. Высокие скулы, нос с тонкой горбинкой, рот, очерченный жёсткой надменной линией. Никакой растительности — только иней, серебристый виски и сплетающийся за плечами в подобие короны. Глаза... она уже видела их. Белые, без зрачков, без век, без единого проблеска чего-то человеческого. Они смотрели сквозь неё — в самую сердцевину, туда, где под рёбрами захлёбывалось паникой сердце.

— Тэта.

Голос не звучал изо рта. Он рождался прямо в голове, обволакивал изнутри, как дым очага. Низкий, вибрирующий, с трещинкой на грани слышимого — так трескается вековой лёд на реке перед ледоходом.

— Отпусти... — язык заплетался. Отвар всё ещё держал сознание в клещах, мысли рассыпались, слова вязли в горле. Нина попыталась отдернуть руки, но ремни лишь глубже вошли в запястья. Порез, оставленный дядей, запульсировал болью.

Существо — он, теперь она знала, что это он — протянуло руку. Пальцы. Слишком длинные для человека, с суставами, выпирающими под истончённой ледяной кожей. Ногти — пластины воронёного серебра, заточенные, как хирургические скальпели. Он коснулся её щеки,

и Нина попыталась закричать. Из горла вырвался только сиплый выдох, замёрзший облачком пара.

Холод его прикосновения был особым. Он не обжигал — он проникал. Медленно, неотвратно, как мороз проникает в плоть отмороженного пальца, слой за слоем, клетка за клеткой, пока живое не становится частью зимы.

— Ты звал меня, — вытолкнула она. Откуда взялись эти слова? Может, из детства, из бабушкиных сказок про Зимнего Жениха, про Невесту Льда, про кровь, которая поёт. — Ты... это из-за тебя?

— Кровь. — Голос резонировал в костях. — Твоя кровь на моём дереве. Я ждал двенадцать зим. Ты бежала. Теперь ты здесь.

Серебряные пальцы скользнули ниже — по шее, по ключице, по краю термобелья. Ткань под его прикосновением заиндевела, стала жёсткой, ломкой. Нина задрожала всем телом — и сама не могла разделить, от холода, от страха или от чего-то третьего, что начало просыпаться в низу живота.

Она ненавидела это. Ненавидела себя — за то, что тело, всегда послушное, натренированное, подвластное разуму, вдруг вышло из-под контроля и начало отвечать на какой-то древний зов, вбитый в кровь поколениями. Соски набухли и затвердели под леденеющей тканью. Бёдра сжались непроизвольно, и между ног стало влажно — влажно и горячо, словно всё тепло тела стеклось в одну точку.

— Нет, — прошептала она. — Я не...

Он не слушал. Пальцы сомкнулись на ворота термобелья и рванули вниз. Треск материи. Обрывки полетели в снег. Обнажённая грудь встретила морозный воздух, и Нина захлебнулась вдохом. Её соски — тёмно-розовые, напряжённые — торчали навстречу холоду, и существо разглядывало их с тем выражением, с каким голодный разглядывает пищу.

— Тёп-ла-я, — произнёс он по слогам, пробуя слово на вкус. — Жи-ва-я.

Он наклонился. Иней с его волос осыпался ей на плечи — колючий, как битое стекло. Рот — бескровный, синеватый — прижался к шее, туда, где под кожей билась жилка. Нина ожидала холода, но вместо этого почувствовала жжение. Там, где его губы касались кожи, рождалась боль — сладкая, тянущая, как от долгого поцелуя на тридцатиградусном морозе, когда плоть прикипает к металлу.

Она закричала. На этот раз получилось — горло разжалось, и вопль взметнулся над капищем, но ветер подхватил его, унёс, разорвал в клочья. Никто не пришёл.

Его рука легла ей на живот и двинулась вниз. Пальцы царапали кожу, оставляя красные полосы, которые тут же белели от инея. Нина извивалась, пыталась сжать бёдра, но кожаные путы держали крепко, а существо просто раздвинуло её ноги коленом — твёрдым, ледяным, неумолимым.

Термобельё на бёдрах порвалось. Теперь она была обнажена полностью — распята перед ним, раскрыта, как анатомический препарат. Стыд захлестнул лицо жаром, и этот жар был особенно унизителен на контрасте с холодом, сжимающим внутренности.

Он изучал её. Как изучают неожиданно попавшую в руки вещь.

— Ты хочешь меня, — сказал он, и это не было вопросом. — Твоё тело знает.

— Ничего оно не знает, — прохрипела Нина, цепляясь за остатки самообладания. — Ты чудовище. Просто чудовище из бабкиных сказок.

— Чудовище, — повторил он, и впервые в его голосе мелькнуло что-то, похожее на эмоцию. Удивление? — Да. Я Кын-кан. Ледяной Дух. Хозяин Тундры. Твой жених.

Его ладонь легла ей на лобок. От прикосновения тело прошла судорога — не боли, нет. Чего-то иного. Чего-то, от чего клитор набух, выглянул из складок, сам, против воли, умоляя о внимании.

Кынкан не заставил ждать. Серебряный палец скользнул вниз, раздвинул влажные складки и вошёл внутрь. Нина дёрнулась так, что ремни впились в запястья до крови. Холод внутри был невыносимым — словно ей в лоно вставили сосульку.

Но уже через несколько ударов сердца холод начал таять.

На смену пришло тепло — не её, его. Ледяное, но обжигающее. Как сухой лёд, который жжёт сильнее огня. Палец внутри двигался — медленно, изучающе, растягивая стенки, тестируя глубину. Нина кусала губы до крови, чтобы не застонать. Не дать ему этого. Не признать.

Он добавил второй палец. Растяжение стало болезненным, грубым — она не была готова, несмотря на предательскую влагу. Нина зашипела, вжимаясь спиной в шершавый столб, и Кынкан остановился. Поднял на неё белые глаза — и впервые она различила в них что-то помимо холода. Не жалость, нет, и не похоть. Любопытство.

— Тебе больно.

— Тебя это не остановит.

Он моргнул — медленно, как рептилия. Иней с ресниц осыпался.

— Твоя боль — часть платы. Но я не хочу сломать тебя раньше времени. Расслабься.

— Пошёл ты.

Он не разозлился. Вместо этого вынул пальцы, поднёс к лицу, вдохнул запах её смазки. Белые глаза зажглись ярче — в глубине на мгновение вспыхнул настоящий свет. Затем он взялся за её бёдра.

— Я хочу, чтобы ты смотрела.

И Нина смотрела. Смотрела, как тьма между его бёдер расступается, сгущается, обретает форму. Член, высвободившийся из клубящегося мрака, заставил её тихо, жалобно всхлипнуть. Он был огромным — длиннее и толще любого человеческого. Но главное — материал.

Лёд.

Прозрачный, с серебристыми прожилками, пульсирующими в такт его дыханию, с толстыми венами, по которым тек не кровь, а нечто более тёмное. Головка — гладкая, отполированная, как речная галька за тысячу лет под водой. От него шёл пар — холодный пар, стелющийся по земле.

Нина замотала головой.

— Нет. Нет, это не влезет. Ты разорвёшь меня.

— Ты моя невеста. — Кынкан притянул её бёдра к себе. — Твоё тело предназначено для этого.

Ледяная головка коснулась входа. Нина закричала раньше, чем он начал входить — просто от предчувствия, от невозможного холода, от унижения и ярости, смешанных в тугой комок.

Он вошёл.

Резко, без прелюдий — одним длинным толчком, разорвавшим её изнутри. Холод оказался таким острым, что Нина на мгновение ослепла. Стенки влагалища сжались вокруг ледяной плоти, пытаясь вытолкнуть чужака, но только плотнее обхватили его. Каждый сантиметр внутренностей немел, терял чувствительность — и тут же обретал её заново, в десятикратном объёме, когда Кынкан начал движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.